

КУЛЬТУРОЛОГИЯ CULTUROLOGY

УДК 130.2

РЕСТАВРАЦИЯ КУЛЬТУРЫ КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ КАК ЗНАЧИМЫЙ ВЕКТОР ВОЗРОЖДЕНИЯ РОССИИ

Миненко Геннадий Николаевич, доктор культурологии, профессор, профессор кафедры культурологии, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: antropolog-min@mail.ru

Латышев Андрей Адрианович, соискатель, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: latyshev-andrey@mail.ru

Причину низкой динамики цивилизационных реформ в России конца XX – начала XXI века авторы статьи видят в метафизике марксистских парадигм, господствующих в общественном сознании представителей русского этноса, что явилось результатом советских политических практик. Методологическая особенность концепта «общественно-экономические формации» состоит в отсутствии в его объяснительной модели субъективной составляющей человеческой индивидуальности. Трагические результаты большевистских управленческих практик и замедление цивилизационного развития российского этноса обусловлены отрицанием индивидуализма крестьян и их хозяйственно-бытового институционального устройства, что, в свою очередь, привело к утрате русскими способности к цивилизационной самоидентификации и коллапсу социально-эволюционного развития. Значимый вектор выхода из кризисного состояния авторы видят в реставрации крестьянского хозяйственного уклада русских и катализирующего влияния государства на его развитие.

Для анализа особенностей крестьянского уклада, который авторы считают особой культурной формой, в статье привлекается значительный материал дореволюционных исследователей экономического поведения русского крестьянства. Актуализируются также малоизвестные наблюдения представителей аграрной интеллигенции 1910–1930-х годов о политике российского государства в отношении крестьянского хозяйствования в последний период существования Империи. По мнению авторов, многое из взаимодействия аграрной науки и практики того периода применимо и в настоящее время.

Ключевые слова: человеческая индивидуальность, культурная форма, крестьянин, хозяин, крестьянский индивидуализм, крестьянский хозяйственный уклад.

RESTORATION OF PEASANT CULTURE MANAGEMENT AS THE RELEVANT VECTOR OF RENAISSANCE OF RUSSIA

Minenko Gennadiy Nikolaevich, Dr of Culturology, Professor, Professor of Department of Culturology, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: antropolog-min@mail.ru

Latyshev Andrey Adrianovich, Applicant, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: latyshev-andrey@mail.ru

The reason for the low dynamics of civilization reforms in Russia in the late XX – early XXI century. The authors see in metaphysics of the Marxist paradigms that dominate the public consciousness of representatives of the Russian ethnos, which was the result of Soviet political practices. The methodological

feature of the concept of “socio-economic formation” is the absence in this explanatory model of the subjective component of human personality. The tragic results of Bolshevik management practices and slowing civilizational development of the Russian ethnos is due to the denial of farmers’ individualism and their household institutional arrangements, which, in turn, led to the loss of the ability to Russian civilizational identity and the collapse of social and evolutionary development. The authors see a significant vector exit from the crisis in the restoration of the peasant economic structure and catalyzing the Russian government influence on its development.

To demonstrate the features of the peasant way of life, which the authors consider specific cultural form, the article attracted considerable material of the pre-revolutionary researchers of economic behavior of the Russian peasantry. Actualized as a little-known observation of representatives of agricultural intelligentsia in the 1910-1930s of the Russian state policy in relation to peasant farming in the last period of the Empire. According to the authors, a lot of interaction between agricultural science and practice of the period is applicable to the present time.

Keywords: human individuality, cultural form, farmer, owner, peasant individualism, peasant economic structure.

Бедность большей части российского населения в сочетании с высокой степенью имущественной дифференциации является сегодня «питательным бульоном» социального напряжения, генерирующего внутреннюю угрозу безопасности государства и нации. Положение усугубляется отсутствием внятной, аналитически аргументированной, вытекающей из логики предыдущей событийности истории страны, проектной мысли о будущем устройстве нашего Отечества. Объяснить это можно, вероятно, цивилизационным изломом начала прошлого века.

Феномен власти-собственности [3] в советские времена лишил семью и личность статуса суверенного собственника производственно-поселенческой среды, что вело к блокированию родовой функции человека – продуцирования замыслов производства средств его жизнеобеспечения. Утрата в первой трети прошлого века населением России способности производственно-поселенческого саморазвития семьи явилась причиной деформации её смысложизненных стратегий и повседневных практик, что привело к смене вектора цивилизационного развития русских. Нормативно-институциональное изменение отношений собственности и политической системы в конце XX столетия не смогли привести к смене хозяйственно-бытового уклада, экономического поведения россиян.

Дебаты кандидатов в депутаты осенью 2016 года, повседневные политические дискуссии, демонстрируемые российским телевидением, действия правительства позволяют сделать вывод

о доминирующей в сознании россиян идеологии. Правящая элита, экспертное сообщество и активная часть населения, находясь в плену метафизики социологических парадигм второй половины XIX–XX веков, продолжают продуцировать в повседневных практиках смыслы и действия, не адекватные ни уровню их же социальных ожиданий, ни характеру функционирования новой техносферы, которая на видимом фоне массового производства в своем перспективном тренде стремительно движется в сторону индивидуализации труда.

Алгоритм определения модели носителя будущего цивилизационного развития России вытекает из логики сложившейся ситуации. Во-первых, необходимо обнаружение несоответствия марксистских (коллективистски-массовидных) парадигм, доминирующих и сегодня в сознании россиян, антропологической (индивидуально-личностной) аксиоматике; во-вторых – определение аутентичного для русской семьи хозяйственного уклада; в-третьих – обнаружение мотивационно-целевых и поведенческих доминант носителя этнокультурного хозяйственного уклада русских.

Невозможность применения парадигм марксистского концепта «общественно-экономические формации» в анализе и управлении социальными практиками обусловлена отсутствием в её объяснительной модели субъектной составляющей человеческой индивидуальности. Этот аналитический конфуз был замечен ещё С. Н. Булгаковым, в его работе 1906 года «Карл Маркс как религи-

озный тип», где он писал: «Характерной особенностью натур диктаторского типа является их прямолинейное и довольно бесцеремонное отношение к человеческой индивидуальности, люди превращаются для них как бы в алгебраические знаки, предназначенные быть средством для тех или иных, хотя бы весьма возвышенных целей, или объектом для более или менее энергичного, хотя бы и самого благожелательного воздействия. ...Это теоретическое игнорирование личности, устранение проблемы индивидуального под предлогом социологического истолкования истории необыкновенно характерно и для Маркса. Для него проблема индивидуальности, абсолютно неразложимого ядра человеческой личности, интегрального её естества не существует» [1, с. 314]. Базовой идеологемой марксизма является тотальное обобществление всех сторон жизни общества, его системообразующих составляющих.

Добывание потребного продукта в тот или иной момент жизни человек имеет обыкновение предвзято создавать его идеальной модели – своих потребностей, своих действий и пространственно-предметной среды, в которой будет воплощен замысел. А поскольку этим свойством обладает только индивид, то пространственно-предметная среда, формируемая замыслом, должна быть институционально индивидуализирована. Таким образом, феномен индивидуальной собственности есть порождение биоинтеллектуальной природы человека, и, в известной степени, является трансформацией его «территориального инстинкта». Индивидуальная собственность, ограничиваемая трудовыми возможностями физического тела индивида, обладает свойством эволюционной культурной константы, нарушение которой ведет к утрате им видовой качественной специфики. Следовательно, трактовка ликвидации личной собственности на средства производства как закономерного цивилизационного феномена есть нонсенс.

Феномен индивидуальности человека определяет вектор динамики эволюционных изменений в силу того, что только индивид в истоке обладает интеллектом, то есть способностью продуцировать идеальные модели в качестве инструмента своего жизнеобеспечения. «Коллективный разум» – это метафора, фиксирующая синхронность мышления, передачу информации между

индивидами и ее сохранение. Аксиоматический характер приведенного факта очевиден, но смысловая синхронизация его с нашей повседневностью требует фиксации в современных социальных практиках массовидного коллективизма как своего рода институционального вируса, угнетающего индивидуальный интеллект.

Блокирование индивидуального интеллекта коллективным промышленным производством с разделенным трудом было понято еще в XIX веке и многократно описано. Специфический же вклад современных образовательных и воспитательных методов в этот процесс не столь очевиден, поэтому требует аналитического подхода для их обнаружения. В условиях коллективно-группового воспитания молодого поколения (детсад, школа, начальное профессиональное образование, срочная служба в ВС) внутригрупповая иерархия складывается не по базовому, видовому для человека основанию («кто умнее» в стратегиях индивидуального и видового выживания), а по «кто сильнее». Последнее есть наследие животного царства, с которым с разной мерой успеха на протяжении тысячелетий борются мировые религии. Устойчивость «этологического рефлекса» определяется тем, что на выяснение того, «кто сильнее» достаточно от нескольких секунд до нескольких минут. Временные же параметры и механизмы интеллектуального обмена не сравнимы по энергетическим затратам и динамике с простым разглядыванием одноклассниками друг друга и скорым выяснением места «особи» в стайно-стадной иерархии группы. Выяснение «кто умнее» может не произойти никогда, ибо в группе для этого нет ситуативной необходимости. Но даже когда это происходит, то мало что меняет, ибо не находит практического деятельностного применения. Совместные действия группы не вырабатывают совокупный мыслительный продукт, качество которого влияло бы на благополучие всех членов группы, как это происходит в производственных бригадах, научных коллективах и т. д. Внутригрупповые иерархии детей, возникающие на этологической основе в дошкольный, школьный и начально-профессиональный период становления личности, обуславливают устойчивость животноподобных поведенческих стереотипов в их последующей жизни. Их основным инструментальным средством при этом яв-

ляется агрессия. Для сравнения отметим, что в самой архаичной крестьянской семье лидерство отца, авторитет матери, старших братьев и сестер строились, в первую очередь на их практическом интеллекте, умении вести хозяйство, выполнять все необходимые многообразные трудовые действия. Поэтому как социально-групповой феномен социализация молодого поколения в традиционной семье стоит выше на эволюционной шкале, чем существующая форма социализации подрастающих поколений.

Вывод следующий: нарушение естественно-природных форм механики социализации молодого поколения ведет к поведенческой редукции человека, что в сочетании с нынешними технологическими условиями увеличивает возможности катастрофических финалов жизни личности, социальной группы. Причинным источником этого является, в том числе, вполне безобидный, на первый взгляд, и, кажется, такой необходимый в нынешних условиях, городской детский садик. В условиях повседневности он лишает ребенка возможности видеть труд родителей, старших братьев и сестер, обеспечивающий жизнь семьи, их умственное превосходство и его жизненно-обеспечивающее значение.

К механическому угнетению интеллекта коллективностью следует присовокупить его мировоззренческое блокирование. Человек не может существовать без смысловой актуализации своей жизни, её начала и конца. При этом он сталкивается с фактом бесконечности, из которой он является миру и куда уходит, покидая его. Актуализация бесконечности в сознании личности, посильное ее постижение является базовой потребностью человека, удовлетворение которой обеспечивает сохранение видовой качественности личности. Этот тезис утверждает правоту толстовского текста:

«- Избави Бог жить только для этого мира. Чтобы жизнь имела смысл, надо, чтобы цель ее выходила за пределы постижимого умом человеческим...»

- Мое Я стремится расшириться и в стремлении сталкивается со своими пределами в пространстве... Кроме сознания пределов в пространстве, есть еще сознание себя – того, что сознает пределы. Что есть это сознание? Если оно чувствует пределы, то это значит, что оно по суще-

ству своему беспредельно и стремится выйти из этих пределов...

- Жизнь человека выражается в отношении конечного к бесконечному.

- Бесконечное, которого человек сознает себя частью, и есть Бог» [2, с. 34–35].

Практики российского социализма развивались в контексте марксистских идей, что явилось идеологическим основанием массового физического истребления трудовой элиты русских, уничтожения ее институциональных и культурных форм жизнедеятельности. Главное, тотальностью коллективизма была реализована в значительной степени «перезагрузка» средового мышления русского человека. Индивидуально-средовое мышление, направленное на природу, как объект труда, источник потребляемого продукта и основание духовного самоопределения было заменено коллективно-средовым, при котором потребностные мотивы личности направлены на социум, дающий жизнеобеспечивающий продукт в виде зарплаты, пенсии, криминального дохода, ценности самоидентификации, ограниченные социальной средой. Результатом явилась утрата русскими как индивидами эволюционного социально-культурного инструментария и резкое снижение динамики цивилизационного развития.

Реставрация хозяйственного уклада русских возможна только в этнокультурной традиции, которая вернет им индивидуализированные деятельностные практики. Понимание этого факта происходит ныне на практически-бытовом уровне и обусловлено острой ситуативной необходимостью трудоустройства больших масс населения, и прежде всего молодежи, о чем свидетельствуют, в том числе, появляющиеся федеральные и региональные законодательные акты. При этом возникает множество требующих своего решения вопросов, в частности, проблема теоретического обоснования цивилизационного ресурса культурных форм индивидуального (семейного) производственного домохозяйства. Теоретические соображения на этот счет были представлены в наших публикациях [6; 8]. Результаты исследований говорят о том, что мелкое сельское хозяйство (крестьянство) в силу укорененной в прошлом этнокультурной традиции, территориальных особенностей и производственной ситуативности в наибольшей степени может

претендовать на массовое внедрение в ходе нынешних российских цивилизационных реформ.

Обратимся к историческому материалу. Носители этой производственно-поселенческой культурной формы представляли самую многочисленную часть населения дооктябрьской России. Во второй половине XVII – начале XX века на долю крестьянства приходилось от 80 до 90 % всего населения Европейской части страны без Польши и Финляндии [9, с. 130]. В силу этого обстоятельства нынешние россияне в наибольшей степени представлены потомками русских крестьян и, следовательно, являются носителями их фенотипических свойств. В контексте нашего рассмотрения крайне значимым является один аспект социального поведения русского крестьянина – степень его хозяйственного индивидуализма. От того, «единоличниками» ли были предки нынешних россиян, или безнадежными коллективистами, на чем настаивают нынешние адепты советского прошлого, зависит их предрасположенность к хозяйственному укладу прадедов, а, следовательно, его уместность в нынешней российской действительности. «Едиличность» русских крестьян в советские времена осуждалась, поэтому поиск её объективных оценок надо искать в текстах исследователей дооктябрьского времени.

В первую очередь, вероятно, необходимо вспомнить оценки национального характера великороссов В. О. Ключевского в его известном курсе лекций по русской истории, поскольку обусловленность хозяйственного индивидуализма наших пращуров он видит в природных условиях их существования [5, с. 313–315]. Исторического факта, обосновывающего природу русского коллективизма «раскорчевкой леса при освоении земли, пригодной для хлебопашества», не было, равно как и «осушения болот» [5, с. 24–25], поскольку это было физически невозможно. Да и необходимости такой не было. Пашни устраивались на опушках леса, о чем пишет Ключевский, и удалялся только кустарник, если он мешал.

Развернутую характеристику технологического мышления крестьян, их духовного состояния, рождающего хозяйственный индивидуализм, дает Г. И. Успенский в цикле очерков «Власть земли» [13]. Повествование о жизни крестьянина Ивана Босых Успенский заключает следующим:

«Миллионы самых тончайших хозяйственных ничтожностей, ни для кого, как мне казалось, не имевших решительно ни малейшего значения, не оставлявших, как мне казалось, даже возможности допустить к себе какое-либо внимание, вдруг выросли неодолимой преградой на пути ко всеобщему благополучию... Человек, который при “хорошей жизни”, “на воле”, “на свободе” не жалеет денег на пьянство, не находит возможности чем-нибудь наполнить свое существование, кроме распутства, – человек, который “швыряет”, как барин, деньги, когда ему легко жить, – вдруг, как скупец, дрожит над каким-то куриным наземом, не соглашается уступить зерна, ежели оно возросло на ненадлежащем удобрении...» [13, с. 478].

Удивительную гипотезу на этот счет выдвигает А. Н. Энгельгардт в письмах «Из деревни»: «Все крестьяне сознают, что жить большими семьями выгоднее, что разделы являются причиной обеднения, а между тем все-таки делятся. Есть же, значит, этому какая-нибудь причина? Очевидно, что в семейной крестьянской жизни есть что-то такое, чего не может переносить все переносящий мужик. Не в мужике ли оно? ... Не оттого ли мужик делится, не оттого ли стремится к отдельной жизни, что он более человек, чем поэт, более идеалист?» [14, с. 203–204].

Надобно заметить, что и Александр Николаевич Энгельгардт и Глеб Иванович Успенский по своему социальному мышлению были если не социалистами, то убежденными коллективистами. Их исследования русского крестьянства были обусловлены желанием усовершенствовать жизнь народа посредством реализации «прогрессивных идей» общественного устройства. Автор писем «Из деревни» искренне надеется, что зажиточность наступит, если обрабатывать землю сообща, и когда люди додумаются о выгоде совместного труда, «то и земля, и все хозяйство неминуемо перейдут в их руки» [14, с. 203]. В отличие от Маркса, умозрительно представлявшего социализацию земли, Энгельгардт делал выводы на основе своих хозяйственных практик. Общение с крестьянами, наблюдения за их мировосприятием делали его гипотетические предположения более точными в понимании видовых свойств человека. Экономическая выгода – это социальная ценность, к тому же относительная в своем измерении. Освоение же природы, себя самого в про-

изводственным хозяйственным труде является системообразующим основанием общества и стоит выше в системно-масштабном измерении мироустройства, обладая, при этом, статусом константы [7, с. 54–57].

Очевидно, интуитивное миропостижение в процессе повседневных хозяйственно-трудовых практик человеческой индивидуальностью может рассматриваться в статусе атрибутивной составляющей всякого обществоведческого исследования, наряду с отвлеченным умозрением, поскольку именно в этой совокупности знание достигает высокой степени достоверности.

Индивидуализм крестьян не нарушал гармонии деревенского общественного устройства. Высокая нравственность личности являлась основанием системы социальной защиты членов деревенского общества, в центре которой стояла личность хозяина. Методы социальной защиты были направлены на его формирование и воспитание, на сохранение целостности хозяйства семьи. После смерти мужа жене не переходило право суверенного хозяина, она становилась только опекуном его детей. Крестьянин-толстовец Д. Е. Моргачев, 1892 года рождения, пишет: «Сельским сходом мать была избрана опекуницей сиротского имущества нас, двух маленьких братьев. Все имущество и скот были переписаны сельским старостой по предписанию волостного старшины и сданы моей матери под расписку. Опекун мог быть и посторонний. Ежегодно мать отчитывалась перед сельским сходом в присутствии волостного старшины» [10, с. 235]. Статус хозяина воспитывался в процессе управленческих практик общины: «Ещё будучи работником, с хозяином я ходил на общее собрание, на сходы всего села, и хотя туда ходили старики, против меня никто не возражал, так как все знали, что я являюсь хозяином дома...» [10, с. 244].

Смена внутри деревенской общины статусов её членов происходила довольно часто и вполне органично, не нарушая межличностного благорасположения деревенского общества и сохраняя все тонкости представлений крестьян о справедливости. Д. Е. Моргачев свидетельствует: «Николай когда-то жил у нашей матери в работниках. Опекун предложил меня им в работники, но они вечером уже пригласили мальчика, и выпили магарыч. Но жёны братьев в один

голос заявили, что тот Петька им не нужен, он рябой и у него есть отец и мать, а этого сироту надо взять. Так я и остался у них» [10, с. 236]. Институциональное устройство внутри деревенской общины, конечно, не могло избегнуть неурядиц, связанных с межличностными отношениями, но его аутентичная гуманность, воспитательная благотворность социализации и практическая рациональность в сохранении социально-средового кластера крестьянства несомненна.

Повествование Егора Моргачева опровергает устоявшееся общественное мнение о политике царского правительства в отношении крестьян как сугубо эксплуататорской и ведущей к антагонизмам. Например, сюжет его рассказа о событиях осени 1910 года свидетельствует об обратном. На сельском сходе, приехавший агроном сообщил собравшимся, что Елецкое земство ставит вопрос о поднятии сельского хозяйства. Для этого крестьянам давали бесплатно «быка симментальской породы», «хряка йоркширской породы» и «барана шерстистого». Предлагалось открыть прокатный пункт сельскохозяйственных машин и орудий – плугов двухлемешных, запашников четырехлемешных, сортировку для отборки лучших семян. На первый случай давались бесплатно минеральные удобрения костяная мука, суперфосфат, томас-шлак. На приусадебные участки давали бесплатно для молочного скота несколько фунтов семян люцерны, которую можно косить до четырех раз в лето, и семян кормовой свеклы [10, с. 244]. Мы приводим все детали рассказа Моргачева, чтобы проиллюстрировать не только сам факт содействия правительства развитию аграрной технологии крестьянских хозяйств, но и показать его довольно высокий научный технико-технологический уровень в сравнении даже с её нынешним состоянием.

Приведённые мероприятия не исчерпывали всех мер содействия властей развитию крестьянского хозяйствования. В Ельце уездное земство открыло сельскохозяйственные курсы на 50–60 дней с бесплатным питанием и квартирой, на которых читались лекции по аграрной технологии и организации потребительской кооперации. Курсы проводились ежегодно. В Ельце работало «Императорское общество птицеводства», откуда Моргачев получал яйца для вывода цыплят породистых кур [10, с. 244–246].

В рассказе Моргачева внимание исследователя привлекают два факта, иллюстрирующие отношение к крестьянам представителей, как тогда говорили, «образованного класса». На молчаливое сомнение нашего героя в необходимости траты денег на поездку, агроном достал бумажник, вынул три рубля и подал ему. В селе Стегаловке, Тербуновской волости, Елецкого уезда, Орловской губернии помещик Бедров, умирая, завещал своё небольшое имение и земли Елецкому земству с тем, чтобы оно устроило садоводческую школу для крестьянских детей [10, с. 247].

Сомнения в нерепрезентативности приведенных фактов снимают свидетельства из Сибирского региона времен Гражданской войны. Крупный специалист по конезаводству Дмитрий Викторович Поляков, служивший с 1914 года в должности управляющего Томской государственной конюшней, был смещён с должности 6 февраля 1920 года по распоряжению Томского уездного ревкома. На запрос Ново-Николаевского губземотдела Поляков даёт весьма подробное разъяснение происшедшего. По его мнению, причиной освобождения от должности была реквизиция белыми 16 и 17 декабря 1919 года 30 жеребцов. Удивляет логика и характер объяснений бывшего управляющего. В условиях террора революционного руководства, когда вполне были уместны, с точки зрения самосохранения, живописания бесчинств и угроз отступающих колчаковцев, Поляков ничего подобного не делает. Единственное его стремление – внести ясность в происшедшее. Он одинаково сдержан и уважителен и к белым, и к ревкому, верит в справедливость государственной власти, в необходимость подчинения ее, хотя и новым, но законам. Поляков догадывается, что дело, видимо, в его политической ориентации и высказывает свою позицию на этот счет: «Что касается моих политических убеждений, то до сих пор я оставался по роду своей деятельности и специальности внепартийным, ибо считаю, что всякое дело, обслуживающее нужды трудящегося крестьянства, есть та равнодействующая, на которой должны сходиться все партии, а удовлетворение насущных жизненных вопросов трудящейся крестьянской массы является залогом прочности и авторитета всякой власти» [15]. И далее, нет ни малейшей попытки защитить себя выражением своих политических симпатий или антипатий. Если чем и пытается защититься бывший управ-

ляющий, так это подробным и полным описанием своей научной деятельности. Во взглядах Полякова с очевидной определенностью обнаруживается видение мира, в котором политическим отношениям отводится второстепенная роль. Определяющей системой его миропонимания выступает взаимодействие «человек – природа» и, следовательно, все многообразие отношений, возникающих при этом, оценивается как намного более важное, чем различные политические коллизии.

Гуманизм в обслуживании нужд трудящегося крестьянства как мировоззренческая доминанта и целеполагающий мотив профессиональной деятельности аграрной интеллигенции царской России формировался, в том числе, в её высших учебных заведениях. Высокий уровень гуманитарного образования считался в порядке вещей и являлся одним из официальных критериев интеллектуала-агрария. В этом смысле представляет интерес сюжет отчета ректора Сибирского ветеринарного института за 1925–1926 год профессора А. Ф. Дорофеева: «Уровень общего развития поступающих по сравнению с прошлыми годами значительно поднялся. Однако стоит еще на очень низкой ступени по сравнению со старым временем. Наиболее слабая подготовка в смысле каллиграфии, затем стили и изложения. Вполне развитых тем очень мало, к таковым преимущественно относятся общественно-политические темы. Литературные темы очень слабы и конспективны. Очевидно, оригиналы произведений не читались. Знакомство с классической художественной литературой в общем очень слабое, с современной литературой ещё более того поверхностное» [16]. На тот момент институт просуществовал шесть лет. Профессура была представлена специалистами, приглашенными из Казанского ветеринарного института [11, с. 14].

Нельзя не отметить, что борьба мировоззрений и поведенческих культур была довольно острой. В книге 1928 года, посвященной десятилетию высшей ветеринарной школы г. Омска, в разделе «Настроение студенчества» обнаруживаем описание ситуации, похожее на сводки с фронта. Раскол студентов на два лагеря – «лучшую, передовую часть, объединившуюся вокруг партиячейки» и «остальную», исключение и высылка 22 бывших белых офицеров, деление на «старое» студенчество, имевшее 46 голосов, и

«новое» с 44 голосами, при выборе правления на студенческой курии в 1922/23 учебном году. «Религиозное настроение не изжито. Так, например, в прениях по докладу о „дьяволе” братьями К. была зачитана целая декларация в духе Бердяева и Трубецкого, отрицающая классовую борьбу...». Старое студенчество избегало пользоваться словом «товарищ», как не гармонирующим с духом высшей школы. Обращение на «Ты» между ними также не было распространено, преобладало обращение на «Вы» и оценивалась авторами книги негативно [12, с. 68–69].

Как крестьянин Моргачев оценивал роль попечителей тогдашнего крестьянского хозяйствования? В конце жизни, в 1973 году, он писал: «Прошло более пятидесяти лет с того времени, и я вспоминаю с благодарностью, какие большие усилия делала русская общественность для развития сельского хозяйства и тем самым для повышения благосостояния крестьянства» [10, с. 247].

Вернёмся к современности. Общеизвестен факт, что хозяйства населения в субъектах Российской Федерации производят сегодня от 44 % до 70 % валовой продукции сельского хозяйства России (кроме зерна). В контексте изложенного, было бы вполне уместно, а с точки зрения ситуативной необходимости и чрезвычайно актуально в нынешних социальных практиках наших соотечественников реализовать модель организации крестьянского хозяйственного уклада и его государственной поддержки, сложившуюся в дооктябрьской России. При этом к интуитивному осознанию этого факта было бы полезно присовокупить аналитические рассуждения современных исследователей о феномене крестьянствования как особой «культурной форме», а также эмпирические наблюдения аграриев-практиков.

И, наконец, последнее. Статья была написана и фактически сдана в печать, как вышел очередной номер газеты «Аргументы недели» со статьёй известного экономиста, доктора экономических наук Н. А. Кричевского с хлёстким названием: «Хрущев – могильщик СССР» [17]. Автор анализирует многочисленные стратегические просчеты правителя. Центральный для нас раздел в публикации называется «Агу единоличника». В нем представлен материал о том, как в СССР, начиная с 1956 года, поэтапно было фактически ликвидировано разрешенное после коллективизации ЛПХ (личное подсобное хозяйство) – слабый аналог дореволюционного крестьянского хозяйствования, долго, особенно в военные годы, державший страну на плаву. Автор убедительно показывает, что вызванный этим деянием окончательный упадок российской деревни явился исходным и базовым фактором в дальнейшей цепи причин крушения СССР.

Таким образом, как отмечается во множестве прогнозных разработок (зарубежных и отечественных), в близкой перспективе в глобальном масштабе меняется соотношение приоритетов «жизненных ценностей». Не столько «высокие технологии», приносящие ныне баснословные прибыли, сколько «экзистенциальные» ценности выходят на первый план. Это, прежде всего, триада «вода – еда – территория». Полным набором этих условий обладает в первую очередь Россия, в том числе Российское Зауралье. Было бы большим «недосмотром» упустить из государственной политики тему введения в более интенсивный сельскохозяйственный оборот этих территорий. Конечно, всё это можно делать лишь с учётом печальной практики «освоения целинных и залежных земель». Культурной подоплёке этого возможного проекта посвящена наша статья.

Литература

1. Булгаков С. Н. Карл Маркс как религиозный тип // Булгаков С. Н. Философия хозяйства. – М.: Наука, 1990. – С. 310–342.
2. Бунин И. А. Освобождение Толстого // Бунин И. А. Собр. соч.: в 9 т. – М.: Художеств. лит., 1967. – Т. 9. – С. 5–165.
3. Васильев Л. С. Феномен власти собственности. К проблеме типологии докапиталистических структур // Типы общественных отношений на востоке в средние века. – М.: Наука, 1982. – С. 60–99.
4. Казарезов В. В. Крестьянский вопрос в России (От древних славян до отмены крепостного права). – М.: Росинформ-агротех, 2003. – Т. 4. – 508 с.
5. Ключевский В. О. Соч.: в 6 т. – М.: Гос. изд. полит. лит., 1956. – Т. 1. – 427 с.

6. Латышев А. А. Аграрный тупик: есть ли выход? Семейное (индивидуальное) трудовое домохозяйствование // Идеи и идеалы. – 2015. – № 3, т. 2. – С. 150–161.
7. Маркс К. Национализация земли // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. – М.: Политиздат, 1961. – Т. 18. – С. 54–57.
8. Миненко Г. Н. Метаисторическое измерение «кризиса нашего времени» // Социокультурная динамика: теорет.-методол. и ист. аспекты. – Кемерово: КемГАКИ, 2001. – С. 103–116.
9. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVII – начало XX века). – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. – Т. 1. – 583 с.
10. Моргачев Д. Е. Моя жизнь // Воспоминания крестьян-толстовцев. 1910–1930-е годы. – М.: Кн., 1989. – С. 233–308.
11. Сибирские вузы и техникумы в г. Омске. – Омск. Изд-во горбюро пролетстуда, 1926. – 32 с.
12. Сибирский ветеринарный институт 1918–1928. – Омск. Изд. Сибир. ветеринар. ин-та, 1928. – 82 с.
13. Успенский Г. И. Из цикла «Власть земли» // Письма из деревни: Очерки о крестьянстве в России второй половины XIX века. – М.: Современник, 1987. – С. 464–493.
14. Энгельгардт А. Н. Из деревни (Письмо седьмое) // Письма из деревни: Очерки о крестьянстве в России второй половины XIX века. – М.: Современник, 1987. – С. 146–235.
15. Государственный архив Томской области. – Ф. 180. – Оп. 2. – Д. 1. – Л. 42, 42 об., 44 об., 45–45 об., 46, 53–53 об., 54.
16. Государственный архив Новосибирской области. – Ф. 47. – Оп. 1. – Д. 353. – Л. 58.
17. Аргументы недели. – 22.12.2016. – № 50. – С. 22–23.

References

1. Bulgakov S.N. Karl Marks kak religioznyy tip [Karl Marx as a religious type]. *Bulgakov S.N. Filosofiya khozyaystva [Philosophy of Economy]*. Moscow, Nauka Publ., 1990, pp. 310-342. (In Russ.).
2. Bunin I.A. *Sobr. soch.: v 9 t. Tom 9. Osvobozhdenie Tolstogo [Collected works. Vol. 9. Exemption Tolstoy]*. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1967, pp. 5-165. (In Russ.).
3. Vasilyev L.S. Fenomen vlasti sobstvennosti. K probleme tipologii dokapitalisticheskikh struktur [Phenomenon own power. On the problem of the typology of pre-capitalist structures]. *Tipy obshchestvennykh otnosheniy na vostoке v srednie veka [Types of public relations in the East in the Middle Ages]*. Moscow, Nauka Publ., 1982, pp. 60-99. (In Russ.).
4. Kazarezov V.V. *Krest'yanskiy vopros v Rossii (Ot drevnikh slavyan do otmeny krepostnogo prava) [Peasant question in Russia (From ancient Slavs before the abolition of serfdom)]*. Moscow, Rosinform-agrotekh Publ., 2003, vol. 4. 508 p. (In Russ.).
5. Klyuchevskiy V.O. *Sochineniya: v 6 t. [Works: 6 vol.]*. Moscow, Gos. izd. polit. lit. Publ., 1956, vol. 1, 427 p. (In Russ.).
6. Latyshev A.A. Agrarnyy tupik: est' li vykhod? Semeynoe (individual'noe) trudovoe domokhozyaystvovanie [Agrarian stumped: Is there a way out? Relationship (individual) labor domokhozyaystvovanie]. *Idey i ideally [Ideas and ideals]*, 2015, no. 3, vol. 2, pp. 150-161. (In Russ.).
7. Marks K. Natsionalizatsiya zemli [Nationalization of the land]. *Marks K., Engel's F. Sobr. soch. [Collected Works]*. Moscow, Politizdat Publ., 1961, vol. 18, pp. 54-57. (In Russ.).
8. Minenko G.N. Metaistoricheskoe izmerenie "krizisa nashego vremeni" [Meta-historical dimension "of our time of crisis"]. *Sotsiokul'turnaya dinamika: teoretiko-metodologicheskie i istoricheskie aspekty [Socio-cultural dynamics: theoretical, methodological and historical aspects]*. Kemerovo, KemGAKI Publ., 2001, pp. 103-116. (In Russ.).
9. Mironov B.N. *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVII - nachalo XX veka) [Social History of Russian Empire period (XVII - the beginning of the XX century)]*. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2003, vol. 1. 583 p. (In Russ.).
10. Morgachev D.E. *Moya zhizn' [My life]. Vospominaniya krest'yan-tolstovtsev. 1910-1930 gody [Memories Tolstoyans peasants. 1910-1930]*. Moscow, Kniga Publ., 1989, pp. 233-308. (In Russ.).
11. *Sibirskie VUZy i tekhnikumy v g. Omske [Siberian universities and technical schools in the city of Omsk]*. Omsk, Izdatel'stvo gorbyuro proletstuda Publ., 1926. 32 p. (In Russ.).
12. *Sibirskiy veterinarnyy institut 1918-1928 [Siberian Veterinary Institute 1918-1928]*. Omsk, Izdanie Sibirskogo veterinarnogo instituta Publ., 1928. 82 p. (In Russ.).
13. Uspenskiy G.I. Iz tsikla "Vlast' zemli" [Assumption GI From the "Land Authority"]. *Pis'ma iz derevni: Ocherki o krest'yanstve v Rossii vtoroy poloviny XIX veka [Letters from the village: Essays on the Russian peasantry in the second half of the XIX century]*. Moscow, Sovremennik Publ., 1987, pp. 464-493. (In Russ.).

14. Engel'gardt A.N. Iz derevni (Pis'mo sed'moe) [From the village (Letter to the 7th)]. *Pis'ma iz derevni: Ocherki o krest'yanstve v Rossii vtoroy poloviny XIX veka [Letters from the village: Essays on the Russian peasantry in the second half of the XIX century]*. Moscow, Sovremennik Publ., 1987, pp. 146-235. (In Russ.).
15. Gosudarstvennyy arkhiv Tomskoy oblasti [State archive of Tomsk region], F. 180, Op. 2, D. 1, L. 42, 42 ob., 44 ob., 45-45 ob., 46, 53-53 ob., 54. (In Russ.).
16. Gosudarstvennyy arkhiv Novosibirskoy oblasti [State archive of Novosibirsk region], F. 47, Op. 1, D. 353, L. 58. (In Russ.).
17. Argumenty nedeli [Arguments of the week], 22.12.2016, no. 50, pp. 22-23. (In Russ.).